

Визионер

ЖЕНЯ ГРАВИС

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Иллюстрация на форзаце – *Наталья Васильева*
(*Shiko ART*)

Иллюстрация на нахзаце – *Женя Гравис*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Гравис, Женя.
Г75   Визионер / Женя Гравис. – Москва : Эксмо,
2026. – 704 с.

ISBN 978-5-04-204878-4

Новогодняя ночь 1920 года, январская Москва, веселье, подарки – и мертвая Снегурочка на площади под ёлкой. Идеально спланированное убийство: ни улики, ни свидетелей. За своё первое дело берётся молодой сыщик и бойкая барышня из дворянской семьи. Может, им стоит объединить усилия, ведь кто знает, куда заведёт их поиск убийцы? Потому что на одной жертве он явно не остановится.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204878-4

© Гравис Ж., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ 1

БЕГ ЗА ТЕНЬЮ

ПРОЛОГ,

В КОТОРОМ ПОД ЁЛКОЙ
ОБНАРУЖИВАЕТСЯ УДИВИТЕЛЬНЫЙ
СЮРПРИЗ

Снегурочка была хороша.

Да только городской Фрол Есаулов поручился бы револьвером, что полчаса назад её тут не было.

Явилась, понимаешь, кукла. Да ещё в такой богатой шубе — с белым мехом, золотыми узорами и гнутыми застёжками. В искусно расшитых варежках и пушистой шапке.

Снегурочка выглядела изящной и ладной. Руки чуть в стороны расставила и глядела, словно ждала чего-то. Глазища только и виднелись на белёном лице — тёмные и круглые, что твои вишни. И губы алые.

К слову, на фоне Деда Мороза она смотрелась очень славно. Он-то болван болваном — сразу видно, что вырублен топором из бревна. Глаза нарисованы, борода ватная, старый овчинный тулуп кушаком повязан, в рукавах сено. Снегурка рядом с таким чурбаном казалась живой. Ну что за фокусы в Новый год?

Городовой достал из-за пазухи фляжку, отхлебнул, спрятал обратно. Задумался. Стало быть, Деда Мороза поставили аккуратно перед Рождеством. Пока студенты из художественного училища наряжали куклу, Фрол Петрович присматривал, чтобы местные мальчишки чего не покрали. А то ишь толпа ротозеев набежала!

Раньше не было такого — чтобы рождественская ёлка у Лубянского пассажа стояла. Это Иван Матвейч, владелец, распорядился. Широкой души человек! И работников своих, и даже его, городского, на праздник одарил золочёными орехами. И ёлку приказал поставить не внутри, а на улице — для всех, значит.

В ней сажени три в высоту, не меньше¹. А украшений сколько! Городовой пошевелил губами, вспоминая. Шаров красных — пятнадцать штук, золотых — восемнадцать. Картонажных серебряных игрушек — сорок две. Светящихся магических сфер — всего десять, и каждая сумасшедших денег стоит. Видать, старые запасы коммерсант вскрыл. До Великой войны-то этого добра навалом было, а уже три последних года всякие магические штуки в диковину. Так что сферы эти сторожить надо как зеницу ока. Кому радоваться чуду, а кому следить за таким ценным имуществом. Умаешься тут.

Ёлка-то красивая вышла. Вся Москва только про неё и говорила, от желающих поглазеть на чудо отбоя не было. И торговля в пассаже так бойко шла. А карманников сколько шастало! Ох, тяжёлая для полиции выдалась неделя...

Но сейчас у торговых рядов было пусто. Первое утро нового года — не время для веселья. Гуляки уже по домам спали, труженики на службу ещё не выехали. Лишь ранние водовозы толпились вдалеке у фонтана. Стояла нарядная ёлка, щедро присыпанная снегом. И Дед Мороз под ней. И Снегурка.

И всем бы Снегурочка услаждала взор, да только Фрол Петрович и теперь бы поклялся, что не было её тут и в помине.

Мерещится?

---

¹ Около 6 метров.

Городовой потёр глаза, но Снегурочка не исчезла. Подходить к ней поближе он не спешил. Откуда взялась? Какой шутник куклу поставил? Да ещё и нарядную такую, явно не топором тёсанную? Похожа на манекенов, что в витринах пассажа красуются. Неужто покрал кто и решил поглумиться?

Факт налицо. Снегурочка есть. Предписаний и циркуляров на её счёт не поступало. Неувязочка выходит.

Думалось городовому с трудом. Всё-таки ночная смена в новогодье для немолодого уже человека сорока семи лет, коим Фрол Петрович себя считал, — испытание не из лёгких.

Благо участок достался спокойный — сплошь торговцы да ведомства. Телефонная станция, почтамт, музей, дорогие доходные дома, мужская гимназия да училище для художников. В последних порой бывало шумно, но ныне-то дни вакантные, неприсутственные. Отдыхают все, кроме телефонисток. Это в соседних кварталах, где кабаки-рестораны и гулянье до утра, в такую ночь городовому не побездельничать. А тут?

Около полуночи ещё молодёжь приезжала — вокруг ёлки поплясали, шампанским в воздух постреляли. Угощали. Холодное. Шипит. Эх, в такую погоду стопка зубровочки бодрее пошла бы. Городовой вспомнил про зубровку и снова полез за пазуху. Не питья ради — для сугреву! Всю ночь, считай, грелся. Ну, может, немного лишку хлебнул. Оттого теперь мерещится разное.

После трёх пополуночи-то вовсе спокойно было. Может, снегопад тому виной — экие сугробы намело, не до прогулок. Извозчики ещё мотались туда-сюда, да и те часам к пяти закончились. Благодать. Холодно только. И снег не перестаёт. Вот и пришлось ходить вокруг участка — по Большой Лубянке до Сретенского бульвара, там направо и обратно — по Мясницкой.

Полчаса или три четверти, если не спешить. Возвратился на круг — а следов твоих и нет уже, замело всё. Может, ещё оборот сделать и вернуться? И на пару глотков зубровки осталось как раз.

Есаулов поёжился, стряхивая снежные хлопья с шинели, потоптался на месте. Клонило в сон. Глянул на часы на здании страхового общества «Россия». За половину седьмого утра перевалило. Значит, меньше полутора часов ещё, и можно смену передавать. И... ах да — Снегурочка же!

Городовой зажмурился несколько раз. Ну, как исчезнет? Нет. Стоит. И что делать?

Позади него послышался лёгкий топот и скрип. Кучер, засыпанный снегом, неспешно правил низкой двухместной коляской на полозьях. Ранние пташки? Нет, скорее, поздние гости домой едут. Семейная пара и малец лет пяти. Отца в шубе вон совсем сморило, а мальчонка так и стреляет глазами из-под шапки.

— Мама! Ёлка! Стой! — В тишине утра детский вопль резанул городовому по ушам. Отца семейства крик из дрёмы не вывел, а вот дама приложила к виску руку в замшевой перчатке и поморщилась. Повозка остановилась в нескольких метрах от ёлки.

— Арсений, солнышко, зачем же так кричать? Папа спит.

— Мама, там ёлка! И Дед Мороз! И Снегурочка! Я только посмотреть! Я быстро!

И, не дожидаясь ответа, шустрый Арсений спрыгнул с коляски и побежал к дереву, проваливаясь в снег, но не сбавляя скорости.

— Ах, боже мой, что за несносный ребёнок. Арсений, вернись! — кричала дама. — Саша! — тормозила мужа, который продолжал спать. — Пахóм! — это уже кучеру, который, скрючившись, тоже дремал. — Верни его обратно сейчас же! Нам ехать пора!

— А... Да, барыня, сию минуту. — Кучер медленно разогнулся и стал слезать с облучка. Движения его отличались неспешностью. Барыня прикрыла веки и вздохнула.

Арсений добрался до ёлки и уже тряс её за нижние ветки и пытался укоротить бороду Деду Морозу. «Ростом мал, силёнки не те, имуществу не навредит», — отстранённо рассудил Фрол Петрович и приподнял шапку, слегка поклонившись даме. Потом пробормотал что-то невнятное — не волнуйтесь, мол, присмотрю за мальчиком.

— Арсений, если будешь баловать, тебя заберёт городовой! — пригрозила на всякий случай дама. Мальчуган только сверкнул глазами в сторону Фрола Есаулова и потянулся к Снегурочке. Пахом всё так же неторопливо брёл в их сторону.

— Снегурочка! Эй! — Арсений дёргал её за варежку и заглядывал снизу вверх в бесстрастное лицо. — Ты меня слышишь? Поехали к нам! У нас тоже ёлка!

«Тембр у мальчонки, вестимо, как у дверного звонка», — тоскливо подумал городовой и погладил через шинель недосягаемую фляжку. Зато сон почти прогнало. Расшитая варежка упала в снег, и Арсений продолжил дёргать куклу уже за руку.

— Ай!

— Что такое, милый? — встревоженная дама выглянула из коляски.

— Холодно! — сердитый Арсений подышал на свою ладошку и недобро посмотрел на Снегурку. — Ты ледяная. Не буду с тобой дружить!

— Дорогой, но это же сказочная девочка изо льда и снега. Конечно, она холодная. Садись в коляску, тут тепло! — И успокаивающий тембр женского голоса вдруг впелась железная нотка: — Пахом, поторапливайся уже!

Кучер ускорился, дошагал до ёлки и без слов сгрёб юного Арсения в охапку. Тот молча снёс такое обхождение — видимо, неожиданное приключение ему уже наскучило. Так же в тишине Пахом донёс ребёнка до коляски, сгрузил внутрь и сел на своё место. Лошадка, проснувшись от звучного «пшла!», взяла сразу бодрой рысью. Экипаж отъехал.

Фрол Петрович снова остался один.

Сверху продолжали лететь хлопья. На снегу осталась лежать расшитая золотом Снегурочкина варежка. Непорядок.

Есаулов подошёл, поднял варежку, отряхнул от снега и попытался приладить обратно, дотронувшись нечаянно до кукольных пальцев. И вправду ледяные.

Городовой наклонился, чтобы рассмотреть руку получше. И обмер. А потом с ужасом и обречённостью понял, что смена его через час никак не закончится.

Восковые манекены он уже видел. Искусно их мастерят. И лица как живые выглядят, и волосы как настоящие. Только не бывает у кукол таких синих ногтей. И мозолей на пальцах.

Часы на здании «России» пробили семь. Снег продолжал падать.

ГЛАВА 1,

В КОТОРОЙ ГОВОРИТСЯ О ПОЛЬЗЕ БУЛЬВАРНОЙ ПРЕССЫ

Завтрак в семье Загорских начинался в половину девятого.

И, как всегда, Соня на него опаздывала.

Внизу уже вовсю гремели тарелками, двигали стулья, а она, стоя перед зеркалом, лихорадочно застёгивала многочисленные пуговички на домашнем платье. Пуговицы, как назло, выскальзывали из пальцев. Платье — одно из любимых, синее, клетчатое, но, откровенно говоря, Соня к своим семнадцати годам из него выросла. Пора в этом признаться самой себе. *«Сегодня же Глаше отдам»*, — решила она, застегнув наконец последнюю, самую упрямую пуговку.

— Софья! Бегом завтракать! — раздалось снизу.

— Бегу, мамá!

Соня бросила на себя последний взгляд в зеркало. Лучше уж опоздать ещё на несколько секунд, чем прийти неряхой, как считает матушка. Она, разумеется, вслух ничего не скажет, но лицом непременно продемонстрирует. И, считай, настроение к завтраку уже испорчено.

Так. Рыжую косу заплела неплохо, хоть и кривовато. Прядь на лбу, как обычно, выбилась. Соня заправила её за ухо, но локон тут же вылез обратно. Лицо выглядело свежим, щёки после холодной воды были румяные. Девушка потрогала широкие скулы — *«эхо монголо-татарского ша»*, как иронично называл их папа. Глаза,

видимо, тоже были из тех монгольских степей — хоть и голубые, но слегка раскосые. А вот нос достался наш, славянский — курносый и слегка конопатый. Соня состроила гримасу отражению. Всё, можно бежать.

И, дробно топоча каблуками по лестнице, спустилась в столовую.

Вся остальная семья Загорских уже была за столом. Папа, Николай Сергеевич, как обычно, спрятался за газетой «Биржевые ведомости». Мама, Анна Петровна, указывала кухарке Варваре, как изящнее расставить розетки с вареньями. Младший брат Лёлик (он же Алексей) вяло ковырял в тарелке кашу.

— Доброе утро! — поздоровалась Соня, проскользнув на своё место.

— Воспитанную барышню, Софья, отличает пунктуальность, — не обошлась без упрёка мама и окинула внимательным взглядом дочь и её наряд. Видимо, утренние Сонины усилия не прошли даром. Не найдя видимых огрехов, Анна Петровна расслабилась, и лицо её приняло выражение приятное и благонравное, как и подобает супруге дворянина и биржевого чиновника пятого класса.

В наряде и наружности Анны Петровны царили те же приятность и благонравие. Волосы с утра тщательно завиты и правильно уложены — спереди локоны, сзади сложный пучок. И не ярко-рыжие, как у Сони, а благородного оттенка тёмной меди. Блузка белоснежна, воланы манжет безупречны, крахмальный воротничок-стойка огибает шею, поверх него — нитка жемчуга. Верхнее платье цвета сомо¹ изящно облегает слегка располневшую после рождения двух детей

---

¹ У Сони все эти французские названия вызывают смех. Если платье цвета лосося — так и скажите! На худой конец — розовое.

фигуру. Кружев и вышивки совсем немного. Всё по протоколу рекомендованных нарядов женщине средних лет для завтрака в кругу семьи. Глаза у Анны Петровны были голубые, как и у дочери, но без всякой татарской раскосости — большие и глубокие.

Папа в качестве приветствия пошевелил газетой. Это означало, что котировки какого-нибудь зерна внезапно упали или выросли, и отвлечься от этой важнейшей информации глава семьи никак не может. Лёлик молча помахал Соне ложкой. Он вообще неразговорчивый и на удивление спокойный ребёнок — в отличие от сестры и маме на радость. И лишь кухарка Варвара расцвела в улыбке — ну как не любить единственного в семье человека с превосходным аппетитом?

— Утречко, барышня! — Варя вытерла руки полотенцем. — Садись, моя деточка, сейчас каши пшеничной принесу с маслицем.

— Масла, Варежка, не жалеи!

Соня, не дожидаясь каши, правой рукой схватила ещё горячий калач, а левой вытащила свежую газету из стопки: прессу и письма всегда доставляли к завтраку. Николай Сергеевич считал, что человек должен развиваться разносторонне, потому в семье Загорских выписывали и читали разное: «Биржевые ведомости» (это папино чтиво, сплошные цифры и таблицы, скукотища), консервативное «Русское слово», либеральные «Русские ведомости», «Парижские моды» (это мамина скукотища). Был даже журнал «Всходы»: «Добротное чтение для плодотворной работы мысли и чувства подрастающего поколения», как значилось на титульном листе (бывают неплохие рассказы, но в целом детский лепет, конечно).

Соня с интересом читала практически всё, но более прочих ей был по душе «Московский листок» — ежедневная массовая газета о Москве и её жителях. Как